

**ЛИЧНОСТЬ И ПОЭЗИЯ Е.А. БОРАТЫНСКОГО
В РУССКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ
КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА:
ВЛ. СОЛОВЬЕВ И В.В. РОЗАНОВ О ПОЭТЕ ¹**

Ю.Ю. Анохина

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Институт мировой литературы имени А.М. Горького*

Аннотация: В работе анализируется восприятие творчества Боратынского в работах В.С. Соловьева и В.В. Розанова. Отмечается, что Соловьев понимал поэзию Боратынского как отражение кризисного, но необходимого этапа в развитии русской поэзии («Поэзия гр. А.К. Толстого»). В отличие от Соловьева, Розанов не встраивал поэзию и личность Боратынского в какую-либо систему. Высокая оценка творчества поэта, привлечение отдельных стихотворений для иллюстрации своих идей – все это не помешало Розанову увлечься идеей «сальеризма» Боратынского.

Ключевые слова: Е.А. Боратынский, В.С. Соловьев, В.В. Розанов, философия, литература.

Забвение лирики Е.А. Боратынского (1800–1844) во второй половине XIX века было преодолено, как известно, во многом благодаря символистам, обратившимся в поисках опоры для новой эстетики к поэзии романтизма. Об участии символистов в «воскрешении» творчества Боратынского пишет М.М. Гельфонд, посвятившая монографию традиции «поэта мысли» в литературном процессе XX века. Исследовательница отмечает: «Отказываясь от идеологической тенденциозности, символисты создавали альтернативную историю литературы, в которой Боратынскому отводилась роль их непосредственного предшественника»². То, как было воспринято творчество Боратынского старшими символистами, в том числе и Д.С. Мережковским, уже рассматривалось О. Лек-

¹ Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 17-18-01432).

² Гельфонд М.М. «Читателя найду в потомстве я...»: Боратынский и поэты XX века. М.: Биосфера, 2012. С. 15.

мановым³. Интересно проследить, как осмыслена поэзия Боратынского влиявшими на эстетику символистов философами, В.С. Соловьевым и В.В. Розановым. Это интересно тем более, что «являясь представителями религиозной тенденции в русской мысли», они «выражали совершенно разные грани этой тенденции, принципиально несводимые воедино»⁴. Ни Соловьев, ни Розанов не посвятили Боратынскому специальной работы, но отдельные высказывания философов о поэте выявляют их отношение к его лирике.

Наиболее ярко представление Соловьева о поэзии Боратынского воплощено в статье «Поэзия гр. А.К. Толстого» (1895). Один из ключевых пунктов текста – классификация русских поэтов. Как известно, по Соловьеву, поэты «распределяются на три естественные группы»⁵. Критерий «деления» – то, насколько глубоко мысль о сущности поэзии проникла в творчество того или иного автора.

У поэтов первой группы мысль о природе творчества занимает незначительное место и не нарушает внутреннего единства лирики. Главный здесь – А.С. Пушкин, чье «непосредственное, органическое»⁶ отношение к мысли не лишает его поэзию гармонии.

Сомнение в «правах красоты»⁷ повлияло на то, что творчество поэтов второй группы утратило внутреннюю целостность. Эту группу возглавляют Боратынский и Лермонтов. По Соловьеву, пессимистические начала в лирике этих поэтов связаны с их отрицательным отношением и к собственной жизни, и к внешней действительности. Идея бессодержательности собственного бытия могла бы привести к идее бессмысленности поэзии. Однако до этого поэты не дошли, потому что они были «резонерами на почве субъективных впечатлений»⁸, а не мыслителями. При этом философ считал Боратынского «умом более развитым и зрелым»⁹,

³ *Лекманов О.* Боратынский и старшие модернисты: попытка обобщения // *Параболы: studies in Russian modernist literature and culture: in honor of John E. Malmstad / ed. by Nikolay Bogomolov [et al.]. Frankfurt am Main [etc.]: Lang, 2011. P. 29–43.*

⁴ *Сарычев Я.В.* Соловьев Владимир Сергеевич // *Розановская энциклопедия / Сост. и гл. ред. А.Н. Николюкин. М.: РОССПЭН, 2008. С. 895.*

⁵ *Соловьев В.С.* Поэзия гр. А.К. Толстого // *Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991. С. 484.*

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 485.

⁸ Там же. С. 488.

⁹ Там же.

чем Лермонтова, что позволило «поэту мысли» создать «хотя бы видимость объективных оснований»¹⁰ для пессимизма.

Соловьев полагал, что Боратынский принял за истину «материалистические обобщения некоторых научных данных»¹¹, это убедило поэта в иллюзорности «поэтического и религиозного воззрения на мир и жизнь»¹² и спровоцировало появление тоски в его лирике. Сущность оценки философом поэзии Боратынского определили Р.А. Гальцева и И.Б. Роднянская: «Так, по его [Соловьева] пронизательному замечанию, Баратынский был раздвоен между религиозно-поэтическим взглядом на мир и материалистическими выводами современного ему научного умонастроения, что делало его пессимистом, то есть в каком-то смысле “отступником”»¹³.

Соловьев назвал творчество поэтов третьей группы (Ф.И. Тютчева и А.К. Толстого) «поэзией гармонической мысли»¹⁴, потому что в ней были преодолены противоречия, возникшие в лирике Боратынского и Лермонтова.

Представляется парадоксальным, что творчество «поэта мысли» (такая репутация успела закрепиться за Боратынским со времен Пушкина) воспринято философом как чуждое. Даже поэт С.М. Соловьев, племянник философа, был удивлен тем суровым и, как ему думалось, несправедливым судом, каким судил философ Боратынского. С.М. Соловьев полагал, что Соловьев попросту не всмотрелся «в философскую и религиозную сущность этого великого поэта»¹⁵ и объяснял одностороннее понимание поэзии Боратынского тем, что поэтический гений самого Соловьева был ограничен областью чистой лирики.

Поэзия Боратынского, по-видимому, была неблизкой не только поэтическому творчеству Соловьева, но и его философским воззрениям. Этим можно объяснить то, что в первом из «Чтений о Богочеловечестве», озвучивая чуждое ему представление об ограниченности сущего земным, Со-

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Гальцева Р.А., Роднянская И.Б. Реальное дело художника. «Положительная эстетика» Владимира Соловьева и взгляд на литературное творчество // Гальцева Р.А., Роднянская И.Б. К портретам русских мыслителей. М.: Петроглиф; Патриаршее подворье храма-домового мц. Татианы при МГУ, 2012. С. 172.

¹⁴ Соловьев В.С. Поэзия гр. А.К. Толстого. С. 489.

¹⁵ Соловьев С.М. Идея Церкви в поэзии Владимира Соловьева // Вл. Соловьев: Pro et Contra. Антология в двух томах. Т. 2. СПб.: Изд. РХГИ, 2002. С. 571.

ловьев процитировал строки из стихотворения Боратынского «На что вы дни? Юдольный мир явленья...»: «Все концы и начала человеческого существования сводятся к наличной действительности, к данному природному бытию, и вся наша жизнь должна быть замкнута “в тесный круг подлунных впечатлений”»¹⁶. Показательно, что слова Боратынского возникли в лекции философа будто бы непреднамеренно¹⁷ в 1878 году, задолго до появления его статьи о поэзии А.К. Толстого и в эпоху, когда, как считается, о творчестве поэта почти никто не помнил.

Еще одну причину «несправедливого суда» Соловьева над Боратынским можно найти в рассматриваемой статье о поэзии А.К. Толстого. В тексте подчеркнуто: появление «разочарованной» поэзии – необходимый для развития лирики этап, «первый толчок к работе сознания и мышления»¹⁸. Чуждость Боратынского Соловьеву объясняется тем, что философ стремился показать диалектическое развитие русской поэзии XIX века. В статье об А.К. Толстом творчество Боратынского предстает как «антитеза» по отношению к пушкинскому, а поэзия Тютчева и Толстого оказывается их «синтезом». Интересно, что через три года диалектические процессы в развитии лирики самого Боратынского будут показаны В.Я. Брюсовым в статье «Мировоззрения Баратынского» (1898).

Увидев в лирике Боратынского выражение пессимистического направления русской поэзии, Соловьев объяснял это тем, что внутренняя гармония творчества поэта разрушена его рефлексивным характером. И потому лирика Боратынского была воспринята философом как отражение кризисного, но закономерного этапа в развитии русской поэзии.

Представление о сущностном отличии творчества Боратынского от пушкинского не помешало Соловьеву увидеть в самом поэте одного из тех, кто был близок Пушкину и формировал «блестящий и плотный круг людей понимающих и сочувствующих»¹⁹. О близости Боратынского кругу Пушкина писал и Розанов, который, относившись к Соловьеву

¹⁶ Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве / Соловьев В.С. Полн. собр. соч. и писем: В 20 томах. Т. 4. М.: Наука, 2011. С. 10.

¹⁷ Возможно, Соловьев не писал текст лекции заранее, а импровизировал, значит, стих Боратынского мог возникнуть ассоциативно в процессе речи, что подтверждает близкое знакомство философа с творчеством поэта. См.: Соловьев В.С. Полн. собр. соч. и писем: В 20 томах. Т. 4. С. 541.

¹⁸ Соловьев В.С. Поэзия гр. А.К. Толстого. С. 488.

¹⁹ Соловьев В.С. Судьба Пушкина // Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика. С. 290.

предвзято, впоследствии сожалел «о несостоявшемся общении»²⁰ с ним. Розанов в заметке о выходе «Татевского сборника» (1899)²¹ характеризовал Боратынского как «сверстника и друга Пушкина и Дельвига»²² и вместе с тем как «изящного и глубоко сердечного поэта»²³.

«Татевский сборник» был издан ученым и педагогом С.А. Рачинским, племянником Боратынского. Особая роль сборника в возрождении интереса к творчеству «поэта-философа»²⁴ состоит в том, что в нем впервые были опубликованы 52 письма Боратынского И.В. Киреевскому. Появление заметки Розанова о выходе этой книги неслучайно: философ был лично знаком с ее составителем²⁵, бывал в Татеево и еще до выхода сборника знал о подготовке писем к публикации. Рачинский в письме от 28 августа 1899 года сообщал философу: «Ожидаю писем Баратынского к Киреевскому (их Лясковский отыскал целых 50). Тут могут найтись вещи, заслуживающие полного внимания»²⁶.

Письма действительно были прочитаны с «полным вниманием», но оказались понятными своеобразно. И.Л. Леонтьев-Щеглов уделил особое внимание тем из них, которые содержат размышления поэта о творчестве Пушкина, и пришел к выводу о том, что прототипом Сальери в «Маленьких трагедиях» был Боратынский. Изложив эту идею в статье «Нескромные догадки» (1900)²⁷, Щеглов положил начало формированию мифа о «сальеризме» Боратынского. Розанов, пересказав идеи Щеглова в статье «Кое-что новое о Пушкине» (1900), способствовал укоренению мифа. Так

²⁰ Лосев А.Ф. Вл. Соловьев и В.В. Розанов // Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время / Предисл. А.А. Тахо-Годи. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2009. С. 422.

²¹ Татевский сборник С.А. Рачинского с приложением портрета А.С. Хомякова. Общество ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III. С.-Петербург. Типография М. Стасюлевича, 1899.

²² Розанов В.В. «Татевский сборник» Рачинского // Розанов В.В. Полн. собр. соч.: В 35 т. Т. 1. СПб.: Росток, 2014. С. 617.

²³ Там же.

²⁴ Розанов В.В. На границах поэзии и философии (Стихотворения Владимира Соловьева) // Розанов В.В. Полн. собр. соч.: В 35 т. Т. 1. С. 711.

²⁵ Фатеев В.А. Рачинский Сергей Александрович // Розановская энциклопедия. С. 771–779.

²⁶ Рачинский С.А. Письмо Розанову В.В. от 28 авг. 1897 // Розанов В.В. Собр. соч.: Литературные изгнанники. Книга вторая. М.: Республика, СПб: Росток, 2010. С. 454.

²⁷ Вместе с другой статьей об отношении Боратынского к Пушкину «Сомнительный друг» вошла в книгу: Щеглов И.Л. Новое о Пушкине. СПб.: Издание Спб. Т-ва Печатного и Издат. дела «Труд», 1902.

Боратынский из «сверстника и друга Пушкина и Дельвига» превратился в недоброжелателя, а сам философ сыграл роль «единомышленника»²⁸ и «сторонника»²⁹ Щеглова.

Интерес Розанова к «сальеризму» Боратынского был более широким, чем у Щеглова. Философа интересовало не столько «темное» чувство, сколько сама природа «сальеризма», которая хоть и включает зависть, но не ограничена ею. Образ пушкинского Сальери в интерпретации Розанова неоднозначен: способность глубоко мыслить и чувствовать, талант и трудолюбие сопряжены с отсутствием подлинной гениальности и с «недоброжелательством». Двойственность трагична: «Тут – несправедливость, тут действительная и роковая несправедливость»³⁰. Представление об этой двойственности спровоцировало то, что в стихотворениях Боратынского «Не ослеплен я музою моей...», «Финляндия» и «Истина» философ прочел «мысли Сальери».

Такое понимание «сальеризма» сближает Розанова с В.Я. Брюсовым, который, как известно, посвятив три статьи³¹ опровержению домыслов Щеглова, в личном письме П.П. Перцову соглашался со своим приятелем в том, что «Баратынский – Сальери»³², если в этом последнем считать зависть чем-то случайным, а не сущностью души»³³. Брюсов признавался, что охотнее бы выступил на стороне Щеглова, поскольку «оригинальность его догадки о Баратынском доказана уже тем, что за него вступился Розанов»³⁴. Природу противоречия между двумя позициями Брюсова – обозначенной в печати и изложенной в письме – объяснил Л.Г. Фризман. Согласно ученому, Брюсов воспринимал статьи Щеглова как попытку дис-

²⁸ Гофман М.Л. Отзывы о Боратынском // Боратынский Е.А. Полн. собр. соч. Т. 2. СПб.: Изд. Разряда изящной словесности Имп. акад. наук, 1915. С. 346.

²⁹ Гельфонд М.М. «Читателя найду в потомстве я...». С. 26.

³⁰ Розанов В.В. Кое-что новое о Пушкине // Розанов В.В. Полн. собр. соч.: В 35 т. Т. 1. СПб.: Росток, 2014. С. 749.

³¹ Брюсов В.Я. [В.Б.] Баратынский и Сальери // Русский архив. 1900. Кн. 2. № 8. С. 537–545; Брюсов В.Я. [В.Б.] Пушкин и Баратынский // Русский архив. 1901. № 1. С. 158–164; Брюсов В.Я. Старое о господине Щеглове // Русский архив. 1901. Кн. 3. № 12. С. 574–579.

³² О таком противоречивом отношении Брюсова к «сальеризму» Боратынского, и вообще подробнее о формировании и попытках развенчании мифа о «сальеризме» Боратынского: Гельфонд М.М. «Читателя найду в потомстве я...». С. 26–27.

³³ Брюсов В.Я. Письма к П.П. Перцову // Русский современник. 1924. № 4. С. 228.

³⁴ Там же.

кредитации поэта, не хотел быть превратно понятым и потому не высказывал публично настоящие убеждения, хотя «такое сравнение Баратынского с Сальери было связано с интересовавшими Брюсова изысканиями в области психологии поэтического творчества»³⁵. Упрощая, можно сказать, что «сальеризм» для Щеглова – это только зависть, для Розанова – не только зависть, но и тип художника-творца, а для Брюсова – «дух творчества», исключаящий зависть.

Обращает на себя внимание адресат письма Брюсова – Перцов. Именно на него сослался Брюсов в статье «Пушкин и Баратынский», объясняя, что «сущность Сальери вовсе не в зависти»³⁶. В отличие от Брюсова, для которого интерес Розанова подтверждал оригинальность изложенных Щегловым идей, Перцов воспринял внимание Розанова к идее «сальеризма» Боратынского негативно. В личном письме философу Перцов выговаривал: «Нужно не иметь понятия о Баратынском, чтобы самого благородного между нашими поэтами (его письма производят в этом отношении очень характерное впечатление – куда они психологически изящнее и чище пушкинских) зачислить вдруг в Сальери!!»³⁷ Думается, негодование Перцова не было случайным: многолетняя дружба издателя и философа началась с Боратынского. В первом, предшествующем личному знакомству, письме Розанову Перцов цитировал стихотворение Боратынского «Молитва», слова из которого философ повторил при ответе³⁸. Кроме того, Перцов включил очерк С.А. Андреевского о Боратынском (впервые опубликован в 1888 году) и несколько стихотворений в сборник «Философские течения русской поэзии» (1896)³⁹. И потом, «Татевский сборник» Рачинского, с которого началась полемика о «сальеризме», мог иметь для Перцова личную ценность: в нем опубликованы письма, свидетельствующие о личном знакомстве Боратынского с дядей Перцова, Э.П. Перцовым, «известным своими стихотворными шалостями, ко-

³⁵ Фризман Л.Г. В.Я. Брюсов – исследователь Е.А. Баратынского // Русская литература. 1967. № 1. С. 184.

³⁶ Брюсов В.Я. [В.Б.] Пушкин и Баратынский // Русский архив. 1901. № 1. С. 163.

³⁷ Письмо Перцова Розанову от 12 сентября 1900 года из Парижа цит. с сохранением пунктуации по: Ревякина И.А. Комментарий. Кое-что новое о Пушкине // Розанов В.В. Полн. собр. соч.: В 35 т. Т. 1. С. 1003.

³⁸ Розанов В.В. Сочинения / Сост., подгот. текста и коммент. А.Л. Налепина и Т.В. Померанской. М.: Сов. Россия, 1990. С. 489.

³⁹ Философские течения русской поэзии / Сост. П.П. Перцов. С.-Петербург. Типография М. Меркушева. 1896.

торого нам хвалил Пушкин»⁴⁰. Личное восприятие поэзии Боратынского объясняет то, почему Перцов стремился «защитить» поэта от розановских обвинений в зависти к гению.

Несмотря на то, что представление Розанова о Боратынском как о Сальери можно назвать «общепринятым», так как оно «закреплено» в «Розановской энциклопедии»⁴¹, Боратынский был интересен Розанову не только как тень Пушкина.

Розанов вспоминал о поэте и при решении собственно философских, этических или эстетических вопросов. Так, важный в рамках розановской «философии поступка» вопрос поставлен в статье «Пороки школы и поведение учеников» (1904). Этот вопрос сформулирован так: «Как это узнать, “кем” совершен проступок, будущим вором Савиным или будущим поэтом Баратынским?»⁴² Природа любого проступка, преступления, согласно Розанову, онтологична и имеет историософское значение. В известном очерке о Ф.М. Достоевском (1894) Розанов писал: «В истории падение, преступление, грех – это центральное явление, в нем бьются бессильно индивидуумы, народы»⁴³. При этом, философ подчеркивал относительность любого преступления. Поэтому то, что Н.Г. Савин, известный авантюрист, и Боратынский оказались на разных «полюсах» нравственности, можно рассматривать как условность. Тем не менее, Савин явился примером нравственного падения, а Боратынский наоборот: поэт был устремлен к «искуплению» юношеского проступка солдатской службой.

Об этом проступке Боратынского – о похищении денег и табакерки у отца одного из товарищей поэта по Пажескому корпусу⁴⁴ – Розанов вспомнил и в статье «Психика и быт студенчества» (1904), написанной по поводу «нашумевшей книжки»⁴⁵ Б. Гегидзе «В университете. Наброски

⁴⁰ Татевский сборник С.А. Рачинского. С. 32.

⁴¹ *Николюкин А.Н.* Боратынский Евгений Абрамович // Розановская энциклопедия. С. 108–109.

⁴² *Розанов В.В.* Пороки школы и поведение учеников // Розанов В.В. Собр. соч.: Природа и история. М.: Республика, СПб.: Росток, 2008. С. 408.

⁴³ *Розанов В.В.* О Достоевском // Розанов В.В. Собр. соч.: Легенда о Великом инквизиторе. М.: Республика. 1996. С. 279.

⁴⁴ *Летопись жизни и творчества Е.А. Боратынского. 1800–1844.* / Сост. А.М. Песков. М.: Новое литературное обозрение, 1998. С. 73.

⁴⁵ *Розанов В.В.* Психика и быт студенчества // Розанов В.В. Собр. соч.: Семейный вопрос в России. М.: Республика, 2004. С. 683.

студенческой жизни». Чтобы показать, что «безнравственность» юношества возникла не под влиянием Ницше, а «это было приблизительно всегда»⁴⁶, Розанов вспомнил строчки Пушкина об «обжорливой младости», Боратынского с «его ученической историей, чуть ли не с денежною кражею»⁴⁷, а также ряд «раскаившихся грешников»: Руссо, Августина и Л.Н. Толстого с их «Исповедями». Эти примеры должны были показать, что обличение безнравственности студентов бессмысленно, хотя бы потому, что легкомыслие молодых людей естественно и закономерно, а юношеские проступки не мешает человеку стать великим⁴⁸ или просто достойно образованным человеком.

Упоминание Боратынского в таких рассуждениях объяснимо и тем, что в философии Розанова Боратынский вместе с Пушкиным и К.Н. Батюшковым представлял «золотой век» не только поэзии, но и просвещения. В статье «О гимназической реформе семидесятых годов» (1899) Розанов писал: «У Пушкина и Баратынского, не говоря уже о Батюшкове, больше следов классического образования, чем у писателей, теперь выступающих или недавно выступивших»⁴⁹. Эта статья, как известно, вошла в состав книги Розанова «Сумерки просвещения». Можно предположить, что такое заглавие было навеяно Боратынским, чья последняя книга стихов называется «Сумерки». Одна из центральных идей «Сумерек» – идея о том, что «золотой век» пушкинской поры завершился, и в наступивших «сумерках» эпохи очертания будущего еще не отчетливы.

Стихом Боратынского философ иллюстрировал эстетические идеи в статье «Из мыслей зрителя» (1908), где представлена попытка определить то, чем театр отличается от других видов искусства. Философ писал:

Я сказал, что театр мог бы быть таким же средоточием жизни, как и литература, – но отнюдь не вторя ей: «Не подражай, – своеобразен гений!» – сказал когда-то Баратынский. И стих этот, – обращенный к Мицкевичу, который подражал Байрону, – приложим не толь-

⁴⁶ Там же. С. 686.

⁴⁷ Там же. С. 686.

⁴⁸ Интересно, что эта мысль сопоставима с вопросом пушкинского Сальери: «...и не был / Убийцею создатель Ватикана?» (*Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 5. Л.: Наука, 1987. С. 315).

⁴⁹ *Розанов В.В.* О гимназической реформе семидесятых годов // *Розанов В.В.* Собр. соч.: Эстетическое понимание истории. Сумерки просвещения. М.: Республика, СПб.: Росток, 2009. С. 771.

ко к поэтам, вообще не только к лицам, но и к областям искусства. Ни одна из них не должна вторить, не должна вообще подчиняться⁵⁰.

Цитата из адресованного А. Мицкевичу стихотворения Боратынского подтверждает мысль философа о том, что не только авторам отдельных произведений следует стремиться к выражению собственной индивидуальности, но и каждый вид искусства должен быть оригинальным.

Современность была интересна Розанову не только общественными явлениями (образовательные реформы, театр, литература), но и людьми. Имя Боратынского оказывалась у Розанова средством характеристики некоторых из современников. «Боратынским нашей философии»⁵¹ называл философ своего старшего друга и наставника Н.Н. Страхова. Розанов предлагал «нашим критикам» именовать ««немножко Баратынским?»»⁵² юриста и поэта С.А. Андреевского, который выступал адвокатом философа⁵³. Такого рода характеристика предполагает наличие общности, хотя бы условной, между определяющим и определяемым объектами. Интересно выяснить, что, с точки зрения Розанова, объединяет Боратынского и современников философа?

В трех текстах Розанов сопоставил Страхова с Боратынским. Обращаясь к своему наставнику в письме от 31 марта 1888 года, Розанов отметил, что поэта и критика роднит «отсутствие вульгарности»⁵⁴, слово «вульгарность» понималось Розановым как «впадение в обычное, то, что у каждого или во всех»⁵⁵. В некрологе Страхову (1896) эта мысль была развита: поэзию Боратынского и философию Страхова объединяет «богатство индивидуальности»⁵⁶. Адекватное понимание работ философа и

⁵⁰ *Розанов В.В.* Из мыслей зрителя // *Розанов В.В. Собр. соч.: Среди художников.* М.: Республика, 1994. С. 284.

⁵¹ *Розанов В.В.* Н.Н. Страхов // *Розанов В.В. Полн. собр. соч.: В 35 т. Т. 2.* СПб.: Росток, 2015. С. 219.

⁵² *Розанов В.В.* С.А. Андреевский как критик // *Розанов В.В. Полн. собр. соч.: В 35 томах. Т. 3.* СПб.: Росток, 2016. С. 276.

⁵³ *Ломоносов А.В.* Андреевский Сергей Аркадьевич // *Розановская энциклопедия.* С. 73.

⁵⁴ *Розанов В.В.* Письмо Н.Н. Страхову. 31 марта 1888 года // *Розанов В.В. Собр. соч.: Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев.* М.: Республика, 2001. С. 164.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ *Розанов В.В.* Н.Н. Страхов. С. 219.

поэта, по Розанову, возможно лишь при особом внимании к индивидуальности: «нужно присматриваться, уметь ей внимать»⁵⁷. И в письме, и в некрологе Розанов писал, что сущность философии Страхова может быть определена строками из стихотворения Боратынского «Не ослеплен я музою моей...», о котором через несколько лет философ заметил, что оно написано на «языке Сальери». Характерно и такое замечание философа: «Гений духовный почившего критика был родствен с чертами музы прекрасного поэта»⁵⁸. Ни философия Страхова, ни поэзия Боратынского не отвращают ложью, а наоборот, в них есть только искренность и гармония, в произведениях философа и поэта «нас ничто не оскорбляет, не мучит, не раздражает и не смущает; где, наконец, нас ничто не обманывает»⁵⁹.

О том, что место в истории Страхова сходно с положением Боратынского, Розанов писал в статье «К литературной деятельности Н.Н. Страхова» (1902): «Страхов остался вне живого и положительного движения нашей истории, он лежит на проселочной его дороге. Место это – не главное, но может быть привлекательным»⁶⁰. Эти слова можно отнести и к Боратынскому, поскольку в следующем предложении читаем: «Роль его [Страхова] среди критиков и мыслителей русских подобна роли Боратынского среди поэтов»⁶¹. «Внеисторическое», промежуточное, положение писателя и поэта, по Розанову, может быть привлекательным, потому что их произведения ориентированы на индивидуальное, вдумчивое восприятие, а не на слепое массовое почитание.

Думается, именование Страхова «Боратынским нашей философии» не лишено у Розанова и «сальерического» подтекста. При том уважении к Страхову, которое декларировалось и в письмах Розанова к нему, и в посмертных заметках о нем, философу была интересна и «темная сторона в складе его характера»⁶². Это проявилось при жизни Страхова и отразилось в письме Розанова К.Н. Леонтьеву от 8 мая 1891 года: характеризую Страхова⁶³, Розанов отметил его зависть «ко всякому дарова-

⁵⁷ *Розанов В.В.* К литературной деятельности Страхова // *Розанов В.В.* Полн. собр. соч.: В 35 т. Т. 3. СПб.: Росток, 2016. С. 112–119.

⁵⁸ *Розанов В.В.* Н.Н. Страхов. С. 219.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ *Розанов В.В.* К литературной деятельности Страхова. С. 116.

⁶¹ Там же.

⁶² *Розанов В.В.* Письмо К.Н. Леонтьеву // *Розанов В.В.* Собр. соч.: Литературные изгнаники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев. М.: Республика, 2001. С. 398.

⁶³ *Фатеев В.А.* Страхов Николай Николаевич // *Розановская энциклопедия.* С. 954.

нию», искусственность его «духовной сути»⁶⁴. В письме Розанов, рассуждая о темных сторонах личности Страхова, «зацепил» и Соловьева, который, как думалось Розанову, завидовал таланту Леонтьева, с чем последний спорил в ответном письме: «Я не могу сверх того вообразить даже, чтобы человек, который во всех отношениях выше меня, стал бы мне завидовать!»⁶⁵ Розанов опубликовал письма Леонтьева в 1903 году, снабдив их своими комментариями, чрезвычайно интересно примечание философа к процитированным словам Леонтьева: «Ничего из этого я не думал и думал о чувстве Сальери в отношении к Моцарту. Что значит зависть к успеху, сравнительно с успехом душе золотой, Богом возлюбленной, гениальной?»⁶⁶ Этот комментарий Розанова свидетельствовал о том, что проблема «сальеризма» занимала философа за десять лет до публикации «Нескромных догадок», это значило, что мысли о «сальеризме» Боратынского логически вытекали из его собственных интересов, а не были продиктованы Щегловым. И хотя это ретроспективное объяснение философом мысли о зависти Соловьева к Леонтьеву больше похоже на оправдание, все же условно можно сказать, что фигуры Страхова, Соловьева и Боратынского у Розанова оказываются объединенными образом Сальери.

На иных началах зиждется, по Розанову, сродство с Боратынским Андреевского, чья статья «Поэзия Боратынского» (1888)⁶⁷ предвосхитила интерес символистов к поэту. Розанов читал этот текст и нашел, что Андреевский «центрально и точно отмечает, что этот ранний поэт еще пушкинской эпохи был предшественником европейского пессимизма, как он выразился в поэзии Луизы Аккерман и в философии Шопенгауэра, а вовсе не был только писателем элегий, как известной формы минутного настроения»⁶⁸. Недаром на пессимизме Боратынского поставлен акцент: именно такой взгляд на мир объединяет, с точки зрения Розанова, поэта и литературного критика.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Письма К.Н. Леонтьева к В.В. Розанову с комментариями Розанова // Розанов В.В. Собр. соч.: Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 2001. С. 342.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ *Андреевский С.А.* Поэзия Боратынского // Андреевский С.А. Литературные чтения: Боратынский. Достоевский. Гаршин. Некрасов. Лермонтов. Лев Толстой. СПб.: тип. А.С. Суворина, 1891. С. 1–37.

⁶⁸ *Розанов В.В.* С.А. Андреевский как критик. С. 276.

Как очевидно, Розанов, в отличие от Соловьева, не встраивает Боратынского в какую-либо строгую систему, зато отношение Розанова к поэту более эмоционально и интимно. Недаром Боратынский возникает в текстах, порожденных или его кругом чтения, или личными контактами (Рачинский, Страхов, Андреевский). Вот почему комплиментарные характеристики сменяются пристрастными рассуждениями о «темных началах» личности поэта. Образ Боратынского в восприятии Розанова явно двойся: то он «милый наш поэт»⁶⁹, то поэт-пессимист, то Сальери, то способен «не обманывать». Такую противоречивость в суждениях о Боратынском можно объяснить и внутренними закономерностями философии Розанова, и закономерностями лирики Боратынского, чуждой прямой молинейной односторонности.

В осмыслении поэзии Боратынского Соловьев и Розанов сошлись лишь в том, что пессимизм – одно из главных начал его лирики. Если по Соловьеву, пессимизм разрушает красоту поэзии, то Розанову представление о пессимистичности Боратынского не мешало рассматривать его поэзию как наделенную «несравненным изяществом»⁷⁰. Согласно Соловьеву, творчество Боратынского отразило хоть и кризисный, но важный этап в развитии поэзии, а в историософии Розанова Боратынскому отводится промежуточное, «внеисторическое», место. И вместе с тем, строки из стихотворений, факты из биографии поэта позволили Розанову, пусть бессистемно, проиллюстрировать этические, педагогические и эстетические идеи, а также охарактеризовать некоторых из современников. Но ни тот, ни другой, как ни парадоксально, не заинтересовались «поэтической философией» во всем ее объеме. Выявить ее предстояло не филозофам, а филологам XX столетия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андреевский С.А.* Поэзия Боратынского // Андреевский С.А. Литературные чтения: Боратынский. Достоевский. Гаршин. Некрасов. Лермонтов. Лев Толстой. Санкт-Петербург: тип. А.С. Суворина, 1891. С. 1–37.
2. *Брюсов В.Я.* [В.Б.] Боратынский и Сальери // Русский архив. 1900. Кн. 2. № 8. С. 537–545.
3. *Брюсов В.Я.* [В.Б.] Пушкин и Боратынский // Русский архив. 1901. № 1. С. 158–164.

⁶⁹ *Розанов В.В.* Письмо Н.Н. Страхову. 31 марта 1888 года. С. 164.

⁷⁰ *Розанов В.В.* Н.Н. Страхов. С. 219.

4. Брюсов В.Я. Старое о господине Щеглове // Русский архив. 1901. Кн. 3. № 12. С. 574–579.
5. Гальцева Р.А., Роднянская И.Б. Реальное дело художника. «Положительная эстетика» Владимира Соловьева и взгляд на литературное творчество // Гальцева Р.А., Роднянская И.Б. К портретам русских мыслителей. М.: Петроглиф; Патриаршее подворье храма-домового мц. Татианы при МГУ, 2012. С. 151–175.
6. Гельфонд М.М. «Читателя найду в потомстве я...»: Боратынский и поэты XX века. М.: Биосфера, 2012. 220 с.
7. Гофман М.Л. Отзывы о Боратынском // Боратынский Е.А. Полн. собр. соч. / Под ред. и с примеч. М.Л. Гофмана. СПб.: Изд. Разряда изящной словесности Имп. акад. наук, 1914–1915. Т. 2. 1915. С. 325–348.
8. Летопись жизни и творчества Е.А. Боратынского. 1800–1844 / Сост. А.М. Песков. М.: Новое литературное обозрение, 1998. 496 с.
9. Лекманов О. Боратынский и старшие модернисты: попытка обобщения // Параболы: studies in Russian modernist literature and culture: in honor of John E. Malmstad / Ed. by Nikolay Bogomolov [et al.]. Frankfurt am Main [etc.]: Lang, 2011. P. 29–43.
10. Лосев А.Ф. Вл. Соловьев и В.В. Розанов // Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время / Предисл. А.А. Тахо-Годи. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2009. С. 419–427.
11. Розанов В.В. Сочинения / Сост., подгот. текста и коммент. А.Л. Налепина и Т.В. Померанской. М.: Сов. Россия, 1990. 592 с.
12. Розанов В.В. Собр. соч.: Среди художников / Общ. ред., сост. и вступ. ст. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 1994. 494 с.
13. Розанов В.В. Собр. соч.: Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 1996. 702 с.
14. Розанов В.В. Собр. соч.: Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 2001. 477 с.
15. Розанов В.В. Собр. соч.: Семейный вопрос в России / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 2004. 829 с.
16. Розанов В.В. Собр. соч.: Природа и история / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, СПб.: Росток, 2008. 766 с.
17. Розанов В.В. Собр. соч.: Литературные изгнанники. Книга вторая / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, СПб.: Росток, 2010. 957 с.
18. Розанов В.В. Полн. собр. соч.: В 35 т. Т. 1–3. СПб.: Росток, 2014–2016.
19. Розановская энциклопедия / Сост. и гл. ред. А.Н. Николюкин. М.: РОССПЭН, 2008. 1216 с.
20. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 5. Л.: Наука, 1987. 527 с.
21. Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991. 701 с.
22. Соловьев В.С. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 4. М.: Наука, 2011. 805 с.
23. Соловьев С.М. Идея Церкви в поэзии Владимира Соловьева // Вл. Соловьев: Pro et Contra. Антология в двух томах. Т. 2. СПб.: Изд. РХГИ, 2002. С. 563–617.

24. Татевский сборник С.А. Рачинского с приложением портрета А.С. Хомякова. Общество ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III. С.-Петербург. Типография М. Стасюлевича, 1899. 288 с.
25. Философские течения русской поэзии / Сост. П.П. Перцов. С.-Петербург. Типография М. Меркушева, 1896. 394 с.
26. *Фризман Л.Г.* В.Я. Брюсов – исследователь Е.А. Баратынского // Русская литература. 1967. № 1. С. 181–184.